

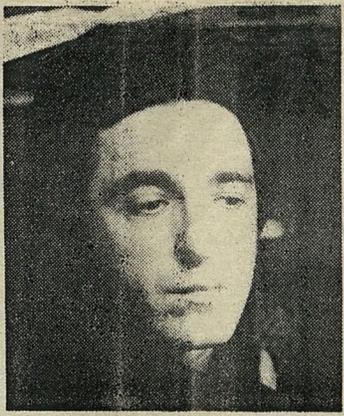
Левитин М.

1991

Да: Дома автора. - 1991. - №2. - С. 4

Михаил ЛЕВИТИН
МОНОЛОГ ОБ
АКТЕРЕ

Бывают в жизни встречи случайные, а бывают главные. Такая встреча произошла у нас с Гвоздицким. Нельзя сказать, что мы поняли друг друга сразу, привыкли друг к другу так уж быстро, но продолжаем жить рядом, учитывая индивидуальности один другого. О Гвоздицком я слышал много. Я много слышал о нем, когда он работал с Фоменко, и с Шейко в Риге, и в БДТ. Я понимал, что Гвоздицкий актер незаурядный, актер, который обладает редким даром эксцентрики. Актер - в высоком смысле слова обязательный. А потом я увидел Гвоздицкого в спектакле Гинкаса "Пушкин и Натали" и понял, что это - актер такого масштаба, что становится физически похожим на тех; кого играет. В тот вечер он был похож на Пушкина. Чрезвычайно велики способности исполнительские, способности воплотить замысел как-то по-сумасшедшему виртуозно и точно. Вообще, он - редкий артист, способный, как мне кажется, любить и ценить режиссура. Во всяком случае, я не сталкивался с актерами, которые так бы нуждались в режиссере, притом обязательно в режиссере культурном, т.е. в режиссере определенной формы, определенных требований к актеру. Он любит режиссера, знающего все, он любит учиться, он любит спрашивать. Он - кровопийца в том смысле, что не отпустит своего режиссера, не выпив всей творческой крови. Когда смотрел Гвоздицкого в "Пушкине и Натали", я об этом не догадывался, я не знал, сколько крови мне придется отдать ему. И после спектакля решил начать длительную эпопею приглашения Гвоздицкого к себе в театр. Чем это было чревато? Во-первых, он прошел через целый ряд театров, у него образовались свои представления и привычки, и этого я очень боялся. Он прошел через достаточный театральный уют и порядок. И вот, придя в наш театр, который как бы принципиально находится всегда в процессе формирования, где главным является все-таки беспокойство и творчество, где актеры овладели особым способом существования, он без сопротивления принял новые условия. Надо сказать, что Гвоздицкий воспитан как актер, как театральный человек. Я поражался когда-то его привычке вставать, когда входит главный режиссер театра или постановщик спектакля. Вставал он единственный - что было странно при его положении в театре. А ведь он не весть из какой аристократической среды, и в Петербурге хотя и долго работал, но не родился там в прошлом сто-

Виктор ГВОЗДИЦКИЙ

летию, и в нем есть все недостатки советского человека. Но тем не менее перед ним очень рано вспыхнул призраком искусства, где-то в городе Кропоткине, откуда он родом, и его увлек. Думаю, что в этом смысле у него было довольно одинокое и сосредоточенное на общении вот с этим призраком искусства детство. Я знал его маму, она преподавала математику в школе, где он учился. Это была совершенно замечательная женщина, которая, по-моему, тоже разглядывала его с огромной любовью и изумлением - откуда такое взялось в ее жизни? Гвоздицкий, без сомнения, явление художественного порядка. Но он не успокаивается тем, что дала ему природа, а тяготеет к мастерству. Здесь, конечно, и режиссура сыграла свою роль, через которую он прошел и которую уважал. Его учителями были и Шапири, и Гинкас, и Яновская, и Фоменко, и Товстоногов. Думаю, что годы, проведенные в нашем театре, тоже не лишили его каких-то умений, а дали новые. Когда Гвоздицкий пришел к нам в театр, то встал вопрос о том, что ему играть, как ему в театре дебютировать. Совпало это и со страстным желанием моим поставить "Нищий, или Смерть Занда" Олеси. Появление Гвоздицкого давало мне возможность начать практически такую работу. Причем, не ясно было, что ему играть в этом спектакле, а играть он мог любую роль.

Для этого нужно было как-то его разгадать, понять его силу. Я знал талант, но не знал его силу. И когда я понял, что он хорошо себя чувствует именно в воображаемом мире, а не в быте, когда я понял, что он способен разделить восторг автора, когда я понял, что он чувствует красоту чужой, не им написанной фразы, и кроме того, обладает неким "черным полем", в его даровании есть нечто запретное, что он способен прорваться в нечто иррациональное, способен быть немного мистическим актером, в нем есть огромная тайна, я дал ему роль Шлиппенбаха. По-моему, совершенно блистательная роль, с трансформациями, странная роль, а Гвоздицкому надо давать только странные роли, требующие оправданий, на которые он способен. Где-то в самом начале на работу нашу были наложены тяжелые дилли - сначала анонимные, затем - партийных инстанций - одним словом, мы работу прекратили. Остановив эту работу, мы сразу же начали другую, где Гвоздицкий играл главную роль - это была роль Фадинара в "Соломенной шляпке" Лабиша, которую я для себя определил как водевильного Гамлета. Я думал, существует ли в Гвоздицком легкость, способен ли он на сценический юмор? Потому что по-человечески он бывает иногда слишком трепетен, слишком серьезен, порой излишне мрачно оценивает некоторые ситуации. Но оказалось, Гвоздицкий понимает, что такое прихотливость рисунка, он способен на сумасшедшую по интенсивности внутреннюю жизнь. И самое главное - Гвоздицкий относится к разряду творцов-исполнителей, потому что самая большая его радость - получать от режиссера четкий рисунок (включая внутренний) роли и виртуозно воплотить его. В этом смысле он совершенно уникальный человек. Ему можно доверить судьбу спектакля. Если же говорить о некоторых недостатках, то они зависят от его строения. Он может сыграть все абсолютно точно, но с мрачной окраской, в то время, как нужна легкость. Он тяготеет к декадентской культуре. Поэтому не случайны и эти мерцающие образы, и эта любовь к людям изысканным и не случайно его презрение к хамству. Гвоздицкий не любит "улицу", в этом наше с ним сходство. Оставаясь в сфере культурного духовного существования, он себя прекрасно чувствует. Он сыграл за это время много совершенно замечательных ролей: Фадинара в "Соломенной шляпке", Шлиппенбаха в "Нищем, или Смерти Занда", Мейерхольда в спек-

такле "Мы собрались здесь", Графа Москаре Понтуса в "Мопассане", в спектакле "Дневники королевы", Прулинского в "Скверном анекдоте". Последняя его работа - в спектакле "Вечер в сумасшедшем доме".

Я всегда поражаюсь его умению воздействовать на зал. Мне прежде казалось, что он очень камерный, крупный и не позволяет себе простираться дальше первых рядов. Но потом увидел, что он настолько честолюбив, настолько силен, что не допустит, чтобы кто-то не слушал его или не подчинился его актерской воле. Это замечательное актерское качество - бесстрашие. Перед спектаклем волнуется панически, но потом зал держит с огромной силой. Что духовность - это не слова, что существует некая эманация духовности, что духовность способна материализоваться, я понял на постановке, который произошел на одном из спектаклей между ним и зрительным залом.

Гвоздицкий - принципиальный противник всего, что ему предлагают. Он все начинает с полнейшего отрицания. Так было с его киносьемками. Одним словом, это очень сложный, как и полагается художнику, это очень верный искусству, что необходимо для настоящего артиста, это очень исполнительский человек, это интеллигентный человек, это настоящий творец.

Записано Ириной АВАНЕСЯН

Невадом
Слухаш

Демократия. - 1991. - № 2. - с. 4

Михаил ЛЕВИТИН
МОНОЛОГ ОБ

АКТЕРЕ

Виктор ГВОЗДИЦКИЙ

Бывают в жизни встречи случайные, а бывают главные. Такая встреча произошла у нас с Гвоздицким. Нельзя сказать, что мы поняли друг друга сразу, привыкли друг к другу так уж быстро, но продолжаем жить рядом, учитывая индивидуальности один другого. О Гвоздицком я слышал много. Я много слышал о нем, когда он работал с Фоменко, и с Шейко в Риге, и в БДТ. Я понимал, что Гвоздицкий актер незаурядный, актер, который обладает редким даром эксцентрики. Актер - в высоком смысле слова обязательный. А потом я увидел Гвоздицкого в спектакле Гинкаса "Пушкин и Натали" и понял, что это - актер такого масштаба, что становится физически похожим на тех, кого играет. В тот вечер он был похож на Пушкина. Чрезвычайно велики способности исполнительские, способности воплотить замысел как-то по-сумасшедшему виртуозно и точно. Вообще, он - редкий артист, способный, как мне кажется, любить и ценить режиссуру. Во всяком случае, я не сталкивался с актерами, которые так бы нуждались в режиссере, притом обязательно в режиссере культурном, т.е. в режиссере определенной формы, определенных требований к актеру. Он любит режиссера, знающего все, он любит учиться, он любит спрашивать. Он кровопийца в том смысле, что не отпустит своего режиссера, не выпив всей творческой крови. Когда смотрел Гвоздицкого в "Пушкине и Натали", я об этом не догадывался, я не знал, сколько крови мне придется отдать ему. И после спектакля решил начать длительную эпопею приглашения Гвоздицкого к себе в театр. Чем это было чревато? Во-первых, он прошел через целый ряд театров, у него образовались свои представления и привычки, и этого я очень боялся. Он прошел через достаточный театральный уют и порядок. И вот, придя в наш театр, который как бы принципиально находится всегда в процессе формирования, где главным является все-таки беспокойство и творчество, где актеры овладели особым способом существования, он без сопротивления принял новые условия. Надо сказать, что Гвоздицкий воспитан как актер, как театральный человек. Я поражался когда-то его привычке вставать, когда входит главный режиссер театра или постановщик спектакля. Вставал он единственный - что было странно при его положении в театре. А ведь он не вест из какой аристократической среды, и в Петербурге хотя и долго работал, но не родился там в прошлом сто-

летия, и в нем есть все недостатки советского человека. Но тем не менее перед ним очень рано вспыхнул призрак искусства, где-то в городе Кропоткине, откуда он родом, и его увлек. Думаю, что в этом смысле у него было довольно одинокое и сосредоточенное на общении вот с этим призраком искусства детство. Я знал его маму, она преподавала математику в школе, где он учился. Это была совершенно замечательная женщина, которая, по моему, тоже разглядывала его с огромной любовью и изумлением - откуда такое взялось в ее жизни? Гвоздицкий, без сомнения, явление художественного порядка. Но он не успокаивается тем, что дала ему природа, а тяготеет к мастерству. Здесь, конечно, и режиссура сыграла свою роль, через которую он прошел и которую уважал. Его учителями были и Шапири, и Гинкас, и Яновская, и Фоменко, и Товстоногов. Думаю, что годы, проведенные в нашем театре, тоже не лишили его каких-то умений, а дали новые. Когда Гвоздицкий пришел к нам в театр, то встал вопрос о том, что ему играть, как ему в театре дебютировать. Совпало это и со страстным желанием моим поставить "Нищий, или Смерть Занда" Олеси. Появление Гвоздицкого давало мне возможность начать практически такую работу. Причем, не ясно было, что ему играть в этом спектакле, а играть он мог любую роль.

Для этого нужно было как-то его разгадать, понять его силу. Я знал талант, но не знал его силу. И когда я понял, что он хорошо себя чувствует именно в воображаемом мире, а не в бытие, когда я понял, что он способен разделить восторг автора, когда я понял, что он чувствует красоту чужой, не им написанной фразы, и кроме того, обладает неким "черным полем", в его даровании есть нечто запретное, что он способен прорваться в нечто иррациональное, способен быть немного мистическим актером, в нем есть огромная тайна, я дал ему роль Шлиппенбаха. По-моему, совершенно блистательная роль, с трансформациями, странная роль, а Гвоздицкому надо давать только странные роли, требующие оправданий, на которые он способен. Где-то в самом начале на работу нашу были наложены тяжелые длани - сначала анонимные, затем - партийных инстанций - одним словом, мы работу прекратили. Остановив эту работу, мы сразу же начали другую, где Гвоздицкий играл главную роль - это была роль Фадиара в "Соломенной шляпке" Лабаша, которую я для себя определил как водевильного Гамлета. Я думал, существует ли в Гвоздицком легкость, способен ли он на сценический юмор? Потому что по-человечески он бывает иногда слишком трепетен, слишком серьезен, порой излишне мрачно оценивает некоторые ситуации. Но оказалось, Гвоздицкий понимает, что такое прихотливость рисунка, он способен на сумасшедшую по интенсивности внутреннюю жизнь. И самое главное - Гвоздицкий относится к разряду творцов-исполнителей, потому что самая большая его радость - получать от режиссера четкий рисунок (включая внутренний) роли и виртуозно воплотить его. В этом смысле он совершенно уникальный человек. Ему можно доверить судьбу спектакля. Если же говорить о некоторых недостатках, то они зависят от его строения. Он может сыграть все абсолютно точно, но с мрачной окраской, в то время, как нужна легкость. Он тяготеет к декадентской культуре. Поэтому не случайны и эти мерцающие образы, и эта любовь к людям изысканным и не случайно его презрение к хамству. Гвоздицкий не любит "улицу", в этом наше с ним сходство. Оставаясь в сфере культурного духовного существования, он себя прекрасно чувствует. Он сыграл за это время много совершенно замечательных ролей: Фадиара в "Соломенной шляпке", Шлиппенбаха в "Нищем, или Смерти Занда", Мейерхольда в спек-

такле "Мы собрались здесь", Графа Москаре Понтуса в "Мопассане", в спектакле "Дневники королевы", Прулинского в "Скверном анекдоте". Последняя его работа - в спектакле "Вечер в сумасшедшем доме".

Я всегда поражался его умению воздействовать на зал. Мне прежде казалось, что он очень камерный, хрупкий и не позволяет себе простирается дальше первых рядов. Но потом увидел, что он настолько честолюбив, настолько силен, что не допустит, чтобы кто-то не слушал его или не подчинился его актерской воле. Это замечательное актерское качество - бесстрашие. Перед спектаклем волнуется панически, но потом зал держит с огромной силой. Что духовность - это не слова, что существует некая эманация духовности, что духовность способна материализоваться, я понял на одной площадке, который произошел на одном из спектаклей между ним и зрительным залом.

Гвоздицкий - принципиальный противник всего, что ему предлагают. Он все начинает с полнейшего отрицания. Так было с его киносьемками. Одним словом, это очень сложный, как и полагается художнику, это очень верный искусству, что необходимо для настоящего артиста, это очень исполнительский человек, это интеллигентный человек, это настоящий творец.

Записано Ириной АВАНЕСЯН